АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ

Материалы к этимологическому словарю

Том I
А–Ӈ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград
1975

Ответственный редактор
В. И. ЦИНЦИУС

Составители:
В. А. ГОРЦЕВСКАЯ, В. Д. КОЛЕСНИКОВА, О. А. КОНСТАНТИНОВА, К. А. НОВИКОВА, Т. И. ПЕТРОВА, В. И. ЦИНЦИУС, Т. Г. БУГАЕВА

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ

Материалы к этимологическому словарю

Том I

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства Н. А. Никитина
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор О. А. Мокеева
Корректор Э. В. Коваленко

Сдано в набор 23/II 1973 г. Подписано к печати 5/VI 1975 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печ. л. 44 = 61.6 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 99.39. Изд. № 3905. Тип. зак. № 135. Тираж 1700. Бумага типографская № 2. *Цена 4 р. 33 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука». 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д.1

1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

С $\frac{70105\text{-}537}{042(02)\text{-}75}$ 340-74

© Издательство «Наука», 1975 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея создания сводного лексикографического труда, в котором получила бы достаточно полное и систематизированное описание лексика всех известных науке тунгусо-маньчжурских языков — живых и мертвых, письменных и бесписьменных, — родилась в конце 50-х годов в секторе алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, где в то время работало большинство специалистов почти по всем названным языкам.

В обсуждении подготовленного руководителем сектора общего проекта указанного коллективного труда, получившего затем наименование «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», участвовали и другие тунгусо-маньчжуроведы Ленинграда, а также некоторые тюркологи, монголисты и русисты-лексикологи, поддержавшие инициативу сектора.

В качестве материалов и источников для такого обобщающего труда имелось в виду широкое использование не только изданных двуязычных (переводных) словарей и кратких глоссариев отдельных тунгусо-маньчжурских языков (или чаще их отдельных диалектов), но также и неопубликованных лексических материалов, собранных в результате многолетней экспедиционной деятельности советских тунгусо-маньчжуроведов или записанных от обучавшихся в Ленинграде представителей тунгусо-маньчжурских народностей — эвенков и эвенов, нанайцев и ульчей, удэгейцев и ороков — студентов бывшего Института народов Севера, Ленинградского государственного университета, педагогического института им. А. И. Герцена.

Работа над созданием Словаря была запланирована на 1961—1965 гг.

Вначале группу составителей Словаря возглавила В. А. Горцевская, написавшая Инструкцию для составителей и предложившая проект структуры словарной статьи. Систему графической передачи тунгусо-маньчжурской лексики разработала К. А. Новикова.

С 1961 г. на основе этой Инструкции началась работа над систематизацией лексических материалов по отдельным языкам и над составлением гнезд однокоренных слов для отдельных тунгусо-маньчжурских языков, включая диалекты (наречия, говоры), с тем чтобы в дальнейшем перейти к составлению словарных статей (по такому же гнездовому принципу), включающих лексику всех языков тунгусо-маньчжурской семьи.

За основу каждой сводной гнездовой карты по младописьменным тунгусским языкам — эвенкийскому, эвенскому, нанайскому и одно время (до 1937 г.) удэгейскому (или удэйскому) была взята лексика диалекта, принятого в качестве опорного. Опорные диалекты указанных языков оказались наиболее полно описанными. По их данным еще в довоенные годы были изданы краткие двуязычные словари и грамматические очерки, а в послевоенные годы и словари более полные: Эвенкийско-русский и Русско-эвенкийский, Эвенско-русский и Русско-эвенский, Нанайско-русский и Русско-нанайский.

При составлении гнездовых карт по возможности так же полно систематизировалась лексика и бесписьменных языков и так называемых нелитературных диалектов — частично по имевшимся публикациям, а в большинстве случаев по материалам рукописным, собранным составителями Словаря или переданным в их распоряжение другими специалистами, занимавшимися изучением тунгусских языков и их диалектов.

Поскольку значительная часть лексических материалов публикуется в настоящем труде впервые, следует назвать имена тех, кто эти материалы собрал и систематизировал.

По эвенкийским диалектам, кроме опубликованных материалов, вошедших в Эвенкийско-русский словарь, составленный Г. М. Василевич, использованы материалы, собранные главным образом в полевых условиях А. Ф. Бойцовой, В. А. Горцевской, В. Д. Колесниковой, О. А. Константиновой, Е. П. Лебедевой.

Существенными дополнениями к материалам по многочисленным эвенским диалектам, вошедшим частично в Эвенско-русский и Русско-эвенский словари, опубли-

кованные В. И. Цинциус и Л. Д. Ришес, явились впервые публикуемые здесь экспедиционные материалы К. А. Новиковой, а также рукописные материалы Н. П. Ткачика, В. Д. Лебедева, Т. К. Неустроевой, П. А. Черканова и Е. Н. Черкановой.

По нанайским диалектам использованы не изданные еще полностью экспедиционные материалы С. Н. Оненко, Л. И. Сем, О. П. Суника.

По диалектам удэгейцев включены, кроме изданных Е. Р. Шнейдером, также его неопубликованные экспедиционные материалы и новые экспедиционные материалы И. В. Кормушина.

Лексика орочских диалектов взята главным образом из экспедиционных материалов В. А. Аврорина и Е. П. Лебедевой.

По ульчскому языку, кроме изданных лексических материалов Т. И. Петровой, собранных в Ленинграде, использована картотека ульчско-русского словаря О. П. Суника (экспедиционные материалы).

По диалектам негидальцев, кроме опубликованных материалов Е. М. Мыльниковой и В. И. Цинциус, в Сравнительный словарь включены неизданные экспедиционные материалы В. Д. Колесниковой, О. А. Константиновой, В. И. Цинциус.

По орокскому языку использованы неизданные словарные материалы Т. И. Петровой, К. А. Новиковой, Л. И. Сем.

Все картотеки по неизданным словарным материалам хранятся в секторе алтайских языков Института языкознания АН СССР (Ленинград).

Лексикографические гнездовые карты для отдельных языков с их диалектами составляли В. А. Горцевская, В. Д. Колесникова и О. А. Константинова (эвенкийский и негидальский языки), К. А. Новикова (эвенский язык), Т. И. Петрова (нанайский язык), Е. П. Лебедева (орочский язык).

С 1962 г. группу словаря возглавила В. И. Цинциус. Под ее руководством начался завершающий этап работы над Словарем — составление сводных гнездовых словарных статей, содержащих лексику всех изученных тунгусо-маньчжурских языков с включением в справочные отделы этих статей также и некоторых иноязычных лексических материалов, зарегистрированных в качестве заимствований или «совпадений», т. е. лексем, свойственных не только тунгусо-маньчжурским, но и другим алтайским языкам, и в единичных случаях и неалтайским, с носителями которых тунгусо-маньчжурские народности (особенно маньчжуры и их предшественники чжурчжени) имели тесные контакты на протяжении многих столетий.

В ходе этой работы вносились изменения в инструкцию, принципы построения словарной статьи, а также в систему графической передачи тунгусо-маньчжурской лексики.

Из числа дискуссионных вопросов нужно выделить два: 1) вопрос об установлении гнезд слов, являющихся словами одного корня или восходящими исторически (иногда предположительно) к словам однокорневым, и 2) вопрос о лексических заимствованиях из других алтайских и некоторых неалтайских языков, а также вопрос о так называемых лексических совпадениях.

Особое внимание уделялось не только вопросам иноязычных заимствований в составе лексики тунгусо-маньчжурских языков, но и проблеме лексических пластов, являющихся общими для тунгусо-маньчжурских и других алтайских языков.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков благодаря этому получил алтаистическую направленность: сравнительно-сопоставительный аспект работы был дополнен аспектом сравнительно-историческим. И поскольку предлагаемый Словарь является не только достаточно полным сводом тунгусо-маньчжурской лексики с различного рода заимствованиями (преимущественно стародавними), но и представляет собой необходимый этап в сравнительно-историческом (этимологическом) изучении тунгусо-маньчжурской лексики, — этап, практически невозможный без алтаистики, — он снабжен уточняющим подзаголовком «Материалы к этимологическому словарю». Уточнение это вызвано еще и тем, что в предлагаемом Сравнительном словаре содержится уже сейчас немалое количество опытов этимологии тунгусо-маньчжурских слов, значение и история которых толкуются и раскрываются с помощью русских переводов и различного рода лексикографических помет.

На завершающем этапе работы над Словарем составительская работа выполнена старшими научными сотрудниками сектора кандидатами филологических наук: В. А. Горцевской — словарные статьи на буквы м, п, ф, h; В. А. Горцевской и Т. И. Петровой — буква б; В. Д. Колесниковой — буквы д, ǯ, т, ч; О. А. Константиновой — буквы г, и, о, у; К. А. Новиковой — буквы е, j, н, н′ (и частично буквы л, ң); Т. И. Петровой — буквы в, л, ц, с; доктором филологических наук В. И. Цинциус — буквы а, э, к, х; словарные статьи на буквы р, ц, ш составлены сотрудником сектора Т. Г. Бугаевой; ею же выполнена обработка корейских и китайских лексических материалов, включенных в Словарь.

Вся редакторская работа осуществлена В. И. Цинциус. Ею же написано Введение, раздел о структуре словарной статьи и таблицы транскрипций фонем и отдельных звукосочетаний эвенкийского, эвенского, нанайского, солонского и маньчжурского языков.

Должно быть понятно, что на данной стадии исследований в области сравнительного изучения алтайских языков сложные вопросы исторической лексикологии тунгусо-маньчжурских языков не могли быть во всех случаях решены однозначно. (Такая задача перед составителями Словаря, разумеется, и не стояла).

В языки тунгусо-маньчжурских народностей СССР независимо от того, являются ли они письменными или бесписьменными, вошли за последние полвека целые тематические разделы слов и терминов, заимствованных из русского национального языка, являющегося вместе с тем общим языком межнационального общения народов Советского Союза и одним из международных языков современного мира.

Включение таких весьма обильных заимствований, совпадающих, как правило, по значению, а нередко и по форме с современным русским литературным языком, в корпус Сравнительного словаря почти вдвое увеличило бы и без того немалый его объем и, что особенно важно, не содействовало бы по существу решению поставленных перед составителями данного Словаря задач. Русские лексические заимствования последних десятилетий, содержащиеся в изданной литературе и в словарях младописьменных тунгусо-маньчжурских языков, о которых упоминалось выше, было поэтому решено во всем их объеме в Сравнительный словарь не включать.

Вместе с тем в Словарь включены на основе имеющихся в лингвистической литературе источников старые заимствования (или совпадения?) из ряда монгольских, некоторых тюркских, отдельных уральских и палеоазиатских языков, а также из языков китайского, корейского, в меньшей мере — тибетского и санскрита. В большинстве своем эти стародавние заимствования давно уже отмечены в словарях и глоссариях (а также в имеющихся специальных исследованиях) главным образом для зарубежных тунгусо-маньчжурских языков, особенно старописьменного маньчжурского. Учет в Сравнительном словаре этих заимствований (даже в случаях, когда показания использованных литературных источников оказывались разноречивыми и не вполне надежными) представлялся необходимым как для дальнейших историко-этимологических исследований в области тунгусо-маньчжурских языков, так и для исследования истории языков, из которых эти заимствования производились.

Проблема лексических заимствований и между родственными, и между неродственными языками, если эти заимствования не документированы и уходят в глубь веков, всегда была и остается трудной. И решить ее попутно, решая другие, тоже нелегкие проблемы, стоявшие перед составителями Словаря, было далеко не всегда возможно.

Свой коллективный труд составители Словаря рассматривают как основу, необходимую для дальнейших более углубленных этимологических исследований не только в области близкородственных тунгусо-маньчжурских языков, но и языков алтайских, взятых в целом, родство между которыми многие специалисты признают весьма отдаленным, а некоторые отрицают вообще, игнорируя значительную материальную и большую типологическую общность алтайских языков или сводя проблему происхождения данной лингвистической общности к одним только лексическим заимствованиям и (ради особой осторожности) к случайным совпадениям. Единичные совпадения такого рода, конечно, возможны, но они никогда не имеют системного характера, позволяющего говорить (хотя бы предположительно) о родстве совершенно разных по своей грамматической структуре и лексике языков. Алтайские языки к такого рода языкам, как известно, не относятся.

Из всего здесь сказанного должно быть ясно, что предлагаемый Сравнительный словарь является в настоящее время не только наиболее полным систематизированным сводом лексики тунгусо-маньчжурских языков (что само по себе немаловажно), но и трудом, необходимым для решения проблемы происхождения общности алтайских языков, а также для установления действительного объема компонентов этой общности, как она отражена прежде всего в лексике. Следует учитывать, что алтайские языки не имеют, к сожалению, достаточно древних письменных памятников, подобно языкам индоевропейской семьи и некоторым другим.

Из прежних работ, содержавших данные по сравнительной лексикографии тунгусо-маньчжурских языков, здесь можно назвать лишь немногие.

Среди них следует упомянуть известный Гольдско-немецкий словарь, составленный по различным источникам (иногда несовершенным) В. Грубе и содержащий более 3 тысяч нанайских и ульчских слов с параллелями из некоторых других тунгусо-маньчжурских языков. Упоминания заслуживают и более краткие публикации М. А. Кастрена, А. Шифнера, П. П. Шмидта, Н. Н. Поппе, содержащие глоссарии (с лексическими сопоставлениями из других тунгусо-маньчжурских языков) по языкам эвенкийскому, эвенскому, солонскому, негидальскому, ульчскому, некоторым диалектам нанайского.

Сопоставление тунгусо-маньчжурской лексики дано в Указателе слов, рассмотренных в «Сравнительной фонетике тунгусо-маньчжурских языков», опубликованной в 1949 г. В. И. Цинциус (стр. 293—333). Сопоставления эвенкийской лексики с лексикой иных тунгусо-маньчжурских языков имеются в упомянутом выше Эвенкийско-русском словаре Г. М. Василевич и в работах, посвященных сравнительному изучению грамматики тунгусо-маньчжурских языков.

Указанные публикации, как и другие, содержащие сопоставительные данные в области лексики тунгусо-маньчжурских языков, учтены и в тех случаях, когда это признавалось нужным, критически использованы составителями Сравнительного словаря. Ими использованы также имеющиеся в литературе пока не очень многочисленные данные по сравнительной лексикологии и этимологии других алтайских языков с привлечением тунгусо-маньчжурских данных. Учтены и материалы по сравнительной лексикологии алтайских языков, содержащиеся в работах, посвященных сравнительной фонетике или сравнительной грамматике (морфологии) тех или иных алтайских языков. (См. Список использованных печатных и рукописных источников).

В Словарь частично включены некоторые материалы, опубликованные и после 1965 года, в частности данные Диалектологического словаря эвенкийского языка, составленного А. В. Романовой и А. Н. Мыреевой, и некоторые другие работы.

Можно надеяться, что продолжающийся сбор и изучение лексики многочисленных диалектов тунгусо-маньчжурских языков явятся новым важным вкладом в дело сравнительного изучения этих языков. Имеющиеся в Сравнительном словаре одиночные слова без соответствующих сопоставлений (вне гнезд) получат со временем необходимые разъяснения, а отдельные лексикологические гнезда слов будут, возможно, дополнены и уточнены.

Составлением и изданием двухтомного Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков, а до этого — Древнетюркского словаря (1958—1969 гг.) сектор алтайских языков института языкознания АН СССР завершает работу над двумя большими лексикографическими трудами, необходимыми, как нам представляется, для дальнейших и уже осуществляемых исследований не только в области тюркологии и тунгусо-маньчжуроведения, но и в области алтаистики в целом — сравнительно-исторического изучения обширной группировки языков, именуемых алтайскими, их лексики, фонетики и грамматики (морфологии).

Авторский коллектив Сравнительного словаря и сектор алтайских языков в целом глубоко признательны всем, кто так или иначе участвовал в подготовке и обсуждении этого коллективного труда, и особенно официальным рецензентам словаря докторам наук А. Ф. Бойцовой, Г. М. Василевич и Э. В. Севортяну.

Заведующий сектором алтайских языков
профессор *О. П. Суник.*

ВВЕДЕНИЕ

Непосредственное знакомство русских с тунгусоязычными народностями Сибири и Дальнего Востока относится к началу XVII в., когда отважные русские землепроходцы впервые вышли на берега Енисея (1605—1607 гг.). Через три десятилетия первые группы русских «служилых людей» достигли побережья Тихого океана и закрепились на нем (1638—1639 гг.), а несколько лет спустя они уже плыли по Амуру (1644—1645 гг.).

К одному из первых тунгусских слов, зафиксированных в русских документах XVII в., относится слово **ламу** 'море', которое воспринималось в то время не как нарицательное наименование, а как имя собственное — название оз. Байкал, Ледовитого океана или Охотского моря. Поэтому и в XVIII в. при Петре I мы находим это название в наказах послать людей «для проведывания через Ламское море камчацкого пути». Современное название Охотского моря происходит от тунгусского (ламутского, т. е. эвенского) нарицательного названия **окат** 'река'.

В конце XVII столетия были опубликованы первые словарные записи (40 тунгусских (эвенкийских) слов и ламутские (эвенские) числительные бургомистра г. Амстердама Н. Витзена. В XVIII в. организуются специальные научные экспедиции для изучения Сибири в естественно-географическом, историко-этнографическом и языковом отношениях. Участники этих экспедиций записывали образцы слов по языкам ряда народностей Сибири, в том числе и тунгусов (записи экспедиции Д. Г. Мессершмидта, словарные материалы С. П. Крашенинникова и Я. Линденау, Г. Ф. Миллера, И. Биллингса и др.). Во второй половине XVIII в. экспедиционный и анкетный сбор словарного материала по многочисленным языкам Сибири осуществлялся под руководством акад. П. С. Палласа, который завершил эту работу подготовкой и выпуском в свет Сравнительных словарей всех языков и наречий (1787, 1789 гг.). Словари включали 285 русских слов, расположенных по темам, начиная со слов «бог» и «небо»; далее шли термины родства (отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, муж, жена), названия частей тела человека, пяти чувств, явлений природы, растений, животных, жилища и предметов домашнего обихода, различных качественных представлений, употребительных глаголов, местоимений, наречий, числительных. Русские слова были переведены на 200 языков и диалектов (149 азиатских и 51 европейский), причем каждый язык имел свой порядковый номер. Тунгусские материалы представлены здесь под 9 номерами (№№ 138—146); из них 2 (охотский и ламутский) относятся к эвенским «наречиям» и 7 — к эвенкийским («наречия» тунгусов нерчинских, енисейских, мангазейских, баргузинских, верхне-ангарских, якутских и чапогирцев с Енисея). Для П. С. Палласа была очевидна близость тунгусских языков к маньчжурскому, о чем он говорит в предисловии к 1-й части словаря: «В тунгусских наречиях, к коим принадлежит так называемый чапогирский на Енисее и ламутский при Охотском море, сходство во многих словах с маньчжурским ощутительно».

В первой четверти XIX в. не появляется сколько-нибудь значительных новых материалов по тунгусским языкам. В этот период лишь как бы подводятся итоги словарной работе предшествующего столетия. Выходят в свет работы Ф. П. Аделунга (F. P. A d e l u n g. Catherinens der grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. СПб., 1815), который дает обзор словарных записей, накопленных как до выхода в свет «Сравнительных словарей», так и поступивших позднее, и Ю. Клапрота (Julius K l a p r o t h. Asia Polyglotta. Paris, 1823), который переиздал большую часть тунгусских материалов из упомянутых словарей, исправив и дополнив их, в частности, не опубликованными ранее материалами Мессершмидта.

С середины XIX в. возобновляются большие экспедиции в различные районы Сибири и Дальнего Востока, которые организуются Академией наук и созданным к тому времени (1845 г.). Русским географическим обществом. Начало новому этапу в изучении ряда языков народностей Сибири, а именно первым исследованиям и описаниям фонетики и грамматики языков остяцкого (хантыйского), самоедского (ненецкого),

койбальского с карагасским, бурятского, енисейско-остяцкого (кетского) и тунгусского (эвенкийского), было положено выдающимся лингвистом того времени М. А. Кастреном, который в течение ряда лет (1842—1849) по заданию и на средства русской Академии наук изучал языки и быт этих народностей. Исследования А. Кастрена в области тунгусского языка после его смерти опубликовал акад. А. Шифнер (M. A. Castrén. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. СПб., 1856). К грамматике приложен тунгусско-немецкий словарь, включающий около 1500 слов с параллелями из бурятского, татарского и якутского языков, а также обратный немецко-русский словарь. Кроме того, Шифнер включил в этот том записи Миддендорфа (1843—1945 гг.), Спасского (1810 г.) и Герстфельда (1855 г.). Самостоятельный научный интерес представляет предисловие Шифнера, где приводятся сопоставления между словами эвенкийского и маньчжурского языков.

Новые словарные материалы по тунгусо-маньчжурским языкам Приамурья были собраны во время экспедиций Л. Шренка и К. М. Максимовича (1854—1856), а также Р. Маака и Г. Герстфельда (1855 г.). Л. Шренк исследовал Амур с низовьев, так как прибыл сюда морем и исходным пунктом его экскурсий являлся Николаевский пост (ныне г. Николаевск-на-Амуре), Р. Маак и Г. Герстфельд спускались по Амуру водным путем от Нерчинска до Мариинского поста. Словарные материалы Р. Маака, подготовленные к печати А. Шифнером и помещенные в виде «Прибавления к описанию путешествия Маака» (Путешествие на Амур, СПб., 1859), включают около 1500 «тунгусских» слов, среди которых лишь верхне-амурские — «ороченские», а также «манягрские» — могут рассматриваться как тунгусские (эвенкийские), тогда как материалы по среднему и нижнему течению Амура были записаны от нанай и ульчей. Словарные материалы экспедиции Л. Шренка увидели свет лишь почти 50 лет спустя и были изданы в обработке В. Грубе (W. Grube. Goldisch-deutsches Wörterverzeichniss. СПб., 1900). Имея в виду первоначально дать обработку материалов, собранных К. Максимовичем среди гольдов (нанайцев) и мангунцев (ульчей) на Амуре, Уссури и Сунгари и Л. Шренком у горинских самагиров, бираров, даурцев и ороченов, а также записи обоих исследователей по манеграм, В. Грубе вышел далеко за пределы намеченного плана, охватив по существу все изданные в XIX в. словарные материалы по тунгусо-маньчжурским народностям, начиная с представленных у Клапрота данных и кончая расшифрованными самим Грубе чжурчженьскими памятниками (W. Grube. Die Sprache und Schrift der Jučen. Leipzig, 1896). В целом гольдско-немецкий словарь Грубе содержит около 3000 слов, а обратный немецко-гольдский указатель — около 2000 слов.

Под суммарное наименование «тунгусский язык» в середине прошлого столетия подводились также данные по народности, близкой к собственно тунгусам (т. е. эвенкам), а именно по ламутам (эвенам). Таков, например, Краткий тунгусскпй словарь, изданный синодальной типографией (М., 1859 и 1900 гг.) и содержащий около 1300 слов, набранных церковнославянским шрифтом; этот ламутский словарь был составлен русским миссионером г. Охотска Стефаном Поповым. В 80-х годах прошлого столетия А. Шифнер издал также материалы, собранные Майделем среди анадырских эвенов (A. Schiefner. Baron Gerhard von Maydell's tungusische Sprachproben. Mélanges Asiatiques, t. VII, СПб., 1874) и записанные на Нижней Тунгуске от эвенков Кондогирского рода геологом А. Чекановским около 1800 слов (A. Schiefner. Alexander Czekanowski's tungusische Wörterverzeichniss. Mél. As., t. VIII, СПб., 1878).

Из словарных материалов, собранных во второй половине прошлого века, можно кратко упомянуть еще некоторые. Так, участник экспедиции Р. Маака на Уссури (1859) А. Брылкин записал от уссурийских гольдов (нанай) около 850 слов (Р. Маак. Путешествие по долине р. Уссури. Т. I. Приложение; А. Брылкин. Замечания о языке ходзенов и ходзенский словарь. СПб., 1861). М. И. Венюков в работу «Путешествие по окраинам русской Азии и записки о них» (СПб., 1868) включил 153 гольдских слова. Во время поездки по р. Сунгари студент Скурлатов записал 140 гольдских и около 900 «ороньченских» слов (И. С. Скурлатов. Материалы для словаря тунгусских наречий. Живая старина, в. II, 1899). А. Протодиаконов опубликовал записи около 1000 слов, собранных у орочей Татарского пролива (А. Протодиаконов. Краткий русско-ороченский словарь. Казань, 1888). Около 400 слов языка орочей опубликовано в работе В. П. Маргаритова «Об орочах Императорской гавани» (СПб., 1888). Более полные материалы по орочской лексике — около 2500 слов — приводит С. Леонтович (Русско-ороченский словарь с грамматической заметкой. Зап. О-ва изучения Амурского края, т. V, в. II, Владивосток, 1896). К концу XIX—началу XX в. относятся также словарные записи по языку удэ — около 250 слов в работе И. Надарова (Северо-Уссурийский край. Зап. Русского географического о-ва по общей географии, т. XVII, № 1, 1887) и около 1000 в статье С. Н. Бранловского (Тазы или удихэ. Живая старина, в. II, III, IV, 1901). В 1901 г. был опубликован гольдско-русский словарь, содержащий около 4000 слов (П. Протодиаконов. Гольдско-русский словарь. Изв. Восточного института, т. II, в. III, 1901). В 1895 г. среди эвенов верховьев Омолона был собран словарный материал более чем в 1000 корней, опубликованный при Советской власти (В. Г. Богораз. Материалы по ламутскому языку. Тунгусский сборник. Л., 1931). В связи

с первой всеобщей переписью населения России в 1897 г. была сделана попытка собрать образцы различных языков. С этой целью на места были разосланы специальные формуляры, составленные акад. В. Радловым. Однако это мероприятие не принесло желаемых результатов: ответы большей частью не были присланы. Тем не менее среди заполненных вопросных листков имелось 64 образца по языкам тунгусо-маньчжурской группы, из них 51 относился к эвенкам и эвенам, 8 — к гольдам (нанайцам) и 5 — к орочам. Из этих образцов С. Патканов опубликовал 12 (5 эвенкийских, 1 эвенский, 3 гольдских и 3 орочских), причем каждый образец содержит перевод 41 слова — числительные, термины родства, названия некоторых животных, явлений природы, частей тела, качеств (С. К. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 года и других источников. Зап. Русского географического о-ва по отделению этнографии. СПб., 1906, ч. I, вып. 1 и 2, ч. II).

В начале XX в. продолжается сбор словарных материалов тунгусо-маньчжурских народностей и появляются отдельные публикации (В. Птицын. Очерки тунгусского языка. СПб., 1903 — приблизительно 600 слов; Э. К. Пекарский и В. П. Цветков. Очерки быта приаянских тунгусов. Сб. музея по антропологии и этнографии при АН. СПб., 1913). Вл. Котвич отмечает также записи 1903 г. И. А. Доброловского у сунгарийских гольдов, А. А. Макаренко у тунгусов Средней Тунгуски, В. Н. Васильева — у илимпейских тунгусов и словарные материалы Б. О. Пилсудского, собранные от сахалинских ороков и амурских ульчей (Вл. Котвич. Материалы для изучения тунгусских наречий. Живая старина, 1909, кн. 70—74). Тогда же были собраны словарные материалы по наречию туруханских тунгусов (К. М. Рычков, 1903—1913 гг.; М. М. Суслов, 1910—1916 гг.), к сожалению до сих пор не обработанные и не опубликованные. Велся сбор лексического материала и среди тунгусо-маньчжурских народностей Дальнего Востока. Так, Общество изучения Амурского края в 1908 г. командировало К. Д. Логиновского для изучения орочей, гольдов, ульчей и негидальцев. По просьбе профессора Владивостокского университета, китаиста и маньчжуроведа П. П. Шмидта К. Д. Логиновский записал довольно значительное количество негидальских слов. Этот словарь вместе с записями Б. Баратоши-Балока и П. Крастина составил около 1200 слов и был позднее опубликован (P. Schmidt. The language of the Negidals. Acta Universitatis Latviensis, V, Riga, 1922). Самим П. Шмидтом в 1908 г. у ульчей был записан словарь примерно в 2000 слов, который он опубликовал 15 лет спустя (P. Schmidt. The language of the Olchas. — Там же, VIII, 1923). Кроме того, П. Шмидт записал 200 слов от самаров, а К. Логиновский предоставил ему свои материалы по самагирским данным (P. Schmidt. The Language of the Samagirs. — Там же, XIX, 1928). Наконец, встретившись с двумя-тремя орочами и удэ и одним «кэкаром», П. Шмидт записал от них несколько сот слов и сделал сводку всех ранее опубликованных орочских и удэйских словарных материалов, т. е. материалов Леонтовича, Протодиаконова, Браиловского, Маргаритова и Надарова, что в общей сложности составило около 1500 слов (P. Schmidt. The Language of the Oroches. — Там же, XVII, 1928). Л. Я. Штернберг во время экспедиции 1910 г. собрал словарные материалы по гольдскому (нанайскому) и негидальскому языкам, приблизительно в 500—600 слов. Эти материалы, как и записанный в 1896 г. орочский словарный материал, были изданы посмертно уже в советский период (Л. Я. Штернберг. Орочский этнографический словарь. Гольдский этнографический словарь. Негидальский этнографический словарь. Сб. «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы». Хабаровск, 1933).

Таким образом, в течение более чем двухсотлетнего периода отдельные исследователи Сибири и Дальнего Востока прилагали усилия заполнить огромные пробелы в самом фактическом материале по тунгусо-маньчжурским языкам. Тем не менее собранных материалов было совершенно недостаточно, чтобы поднять на должный теоретический уровень исследования фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикологии, диалектологии этой достаточно обширной группы родственных языков, а также сравнительно-исторического освещения собранных данных. Не случайно Вл. Котвич, который как бы подвел краткие итоги исследованиям в этой области в начале нашего столетия, начинает свой обзор с констатации того, что «из языков алтайской семьи менее всего посчастливилось в смысле изучения языкам различных тунгусских племен, рассеянных небольшими группами по необъятным пространствам Сибири, о. Сахалина и Маньчжурии», и отмечает, что изучением этих языков «разные исследователи занимались лишь случайно и попутно с другими работами» (Вл. Котвич. Материалы для изучения тунгусских наречий, стр. 206, 207).

И все же в заключение приведенного обзора хотелось бы подчеркнуть, что через весь предшествующий двухвековой период истории собирания и публикации словарных материалов по тунгусо-маньчжурским языкам красной нитью проходит целеустремленное следование принципу сравнительного освещения постепенно накапливавшихся данных. Оно ведет свое начало от изданных в XVIII в. Сравнительных словарей Палласа и вовлечения их материалов в научный оборот в первой четверти XIX в. Аделунгом и Клапротом. В середине XIX в. А. Шифнер обрабатывает и издает как

сравнительно обширные, так и незначительные по объему полевые записи различных исследователей (Кастрена, Спасского, Миддендорфа, Герстфельда, Маака, Попова, Майделя, Штубендорфа, Чекановского). В 1875 г. выходит в свет фундаментальный маньчжурский словарь И. И. Захарова. (Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875). Конец XIX в. обогащается расшифровкой чжурчженьских памятников и новой обработкой ранее собранных материалов В. Грубе (Шренка, Максимовича, А. Протодиаконова, П. Протодиаконова, Маргаритова, Леонтовича, Ивановского, Кастрена, Шифнера, Клапрота и др.). Затем, с начала XX в., пристальное внимание Вл. Котвича к тунгусским языкам, и к концу первой трети текущего столетия появляются публикации П. П. Шмидта (о негидальцах, ульчах, самагирах, орочах и удэ, сводка и обработка китайских элементов в маньчжурском языке).

Огромные задачи в области подъема хозяйства и культуры народностей Севера СССР, поставленные Коммунистической Партией и Советским правительством, потребовали ряда организационных мероприятий в различных областях. Значительную помощь в деле культурного роста этих народностей должно было оказать изучение их языков. Ни у одной из 26 народностей Севера до Великой Октябрьской социалистической революции не было письменности. Бесписьменными были в то время и тунгусо-маньчжурские языки, за исключением маньчжурского. Создание письменности явилось стимулом для организации развертывания планомерного и всестороннего исследования этих языков. Изучение тунгусо-маньчжурских языков за советский период приняло настолько широкий и планомерный характер, что в настоящее время эта область алтаистики с полным правом может быть названа самостоятельным полноценным разделом частной филологии. За это время усилиями советских специалистов осуществлены описания грамматического строя всех тунгусо-маньчжурских языков СССР, детально разработаны вопросы их фонетики, составлены обширные словари, в значительной мере изучены и продолжают изучаться диалекты и говоры, ведутся исследования в области лексикологии, исторической, сравнительной и сопоставительной грамматик. При всей немногочисленности отдельных тунгусо-маньчжурских народностей исследования фонетического и грамматического строя их языков позволили уточнить генетические взаимоотношения этих языков и внести ясность в их классификацию. Это обстоятельство с учетом диалектных особенностей тунгусо-маньчжурских языков и контактов их с другими языками позволяет в свою очередь составить представление об ареальном характере тех или иных фонетических и грамматических явлений.

Необходимость дальнейшего углубленного изучения тунгусо-маньчжурских языков и, в частности, их лексики, поставила перед тунгусо-маньчжуроведами неотложную задачу попытаться подвергнуть сравнительному рассмотрению имеющиеся словарные данные.

Собранные за советский период материалы по лексическому запасу тунгусо-маньчжурских языков значительно превосходят прежние (за исключением маньчжурского); изданные словари содержат от 3500—5000 до 10 000—20 000 слов. В них учтены и, как правило, включены и те словарные данные, которые были зафиксированы и опубликованы в более ранних работах. Поэтому в качестве основных источников, легших в основу ТМС, приводятся наиболее значительные словарные публикации по тем или иным тунгусо-маньчжурским языкам, а также весьма многочисленные рукописные материалы, имеющиеся в распоряжении сектора алтайских языков.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ И СТРУКТУРА ЕГО СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ

1. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (сокращенно — Тунгусо-маньчжурский словарь — ТМС) по способу подачи тунгусо-маньчжурской лексики является сравнительно-гнездовым. В нем сравниваются и объединяются в лексические гнезда различные слова одного корня каждого из языков тунгусо-маньчжурской группы в их диалектной расчлененности.

2. Словарные статьи расположены в ТМС по алфавиту опорных слов.

3. Словарная статья в зависимости от имеющихся лексических материалов и степени их сравнительно-лексикологической изученности включает соответствующие данные либо всех известных тунгусо-маньчжурских языков и их диалектов, либо нескольких из этих языков, либо только одного из них.

4. В соответствии с имеющимися опытами различного рода классификаций тунгусо-маньчжурских языков, а также диалектов, составляющих языки отдельных народностей, в ТМС принят следующий порядок подачи словарного материала по языкам в их сокращенном обозначении:

Эвенкийский	— ***Эвенк.***	Ульчский	— ***Ульч.***
Солонский	— ***Сол.***	Орокский	— ***Орок.***
Эвенский	— ***Эвен.***	Нанайский	— ***Нан.***
Негидальский	— ***Нег.***	Маньчжурский	— ***Ма.***
Орочский	— ***Ороч.***	Чжурчженьский	— ***Чж.***
Удэйский	— ***Уд.***		

Списки сокращений названий диалектов и источников прилагаются.

5. Если какие-либо из перечисленных языков из-за отсутствия лексических данных не представлены в словарной статье, общий порядок расположения лексического материала по языкам сохраняется, но с соответствующими пропусками, т. е. после ***Эвенк.*** следует, например, ***Нег.*** или ***Ма.*** и т. п.

6. Лексический материал каждого из перечисленных выше языков выделяется в словарной статье абзацем, в котором все слова, составляющие соответствующее гнездо слов одного корня, расположены в алфавитном порядке. При отсутствии таких однокоренных слов материалы отдельных языков представлены одиночными словами.

7. Для языков, состоящих из различных диалектов (наречий, говоров), в качестве основных приняты следующие говоры:

эвенкийский — подкаменно-тунгусские говоры южного наречия;

эвенский — ольский говор восточного наречия;

нанайский — найхинский говор нижнеамурского наречия;

негидальский — нижнеамгуньский говор;

орочский — тумнинский говор;

удэйский — хорский говор.

Для маньчжурского и чжурчженьского старописьменных, а также бесписьменных солонского, ульчского, орокского из-за отсутствия устоявшейся диалектной расчленен-

ности словарный материал подается без указания на его диалектную принадлежность, за исключением языка сибинцев — диалекта маньчжурского языка.

8. Указания на принадлежность слова тому или иному диалекту даны после этого слова с прописной буквы светлым курсивом сокращенно без точки. В случае принадлежности слова двум или нескольким диалектам соответствующие пометы следуют после обозначения ведущего диалекта в алфавитном порядке через запятую:

Эвенк. **āγэн** *П-Т, Е, С, Учр* брусок, оселок.

9. Кроме диалектной пометы, в отдельных случаях даются сокращенные указания на источник материала — по фамилии автора соответствующей публикации, которые в отличие от диалектных снабжены точкой и помещаются после обозначения говоров:

Эвенк. **аjули** *П-Т, Брг, Кч, С-Б, Тит.* смородина.

10. Словарные статьи в ТМС построены по следующей схеме:

а) опорное слово;

б) языковые абзацы с гнездами однокоренных слов;

в) справочный отдел.

11. Опорное слово дано в словарной статье на отдельной строке с выносом в левый край прямым полужирным шрифтом (без пометы языковой принадлежности) с переводом на русский язык, раскрывающим основное его значение.

12. В качестве опорного принято такое слово из первого по порядку языкового абзаца (лексического гнезда или одиночного слова), которое в данном языке представляется простейшим в морфологическом отношении и рассматривается в качестве исходной производящей основы для других слов соответствующего гнезда, поэтому оно может не занимать первого по алфавиту места в данном языковом абзаце:

АСӢ женщина

Эвенк. **асāди** женский; **асāкāн** девушка, девица; **асāткāн** 1) девочка; 2) *с прит. суфф.* дочь; **асӣ** 1) женщина; 2) *с прит. афф.* жена.

13. Опорное слово, выделенное из первого по порядку языкового абзаца в отдельных случаях является общим для всех тунгусо-маньчжурских языков (например, **мӧ** 'дерево'). В других случаях опорное слово почти совпадает во всех этих языках (например, числительное **илан** 'три': ***Эвенк., Ма.*** **илан**, ***Эвен.***, ***Нег.*** **йлан**, ***Сол.*** **илā**, ***Нан.*** **йлā**, ***Ороч.***, ***Уд.***, **ила(н)**), ***Ульч.***, ***Орок.*** **йла(н-)**. Вместе с тем в ряде случаев фонетический облик опорного слова значительно отличается от своего лексического аналога в разных тунгусо-маньчжурских языках (например, вопросительное местоимение **адӣ** 'сколько': ***Эвенк., Эвен., Нег., Ороч., Уд.*** **адӣ ~ адй**, ***Нан.*** **ҳадў ~ ҳадо**).

14. При отсутствии гнезда слов в роли опорного дано слово в той его форме, в которой оно приведено в первом по порядку языковом абзаце, независимо от того, какова исторически возможная морфологическая структура этого слова:

АЛГАКСА гнилая кора

Эвенк. **алгакса** *З, Н* гнилая кора.

15. В качестве опорных в ТМС помещены и отдельные заимствованные слова, вошедшие в лексический состав тех или иных тунгусо-маньчжурских языков.

16. Опорные слова-омонимы даются отдельными статьями и обозначаются римскими цифрами:

АЛАС I бедро

АЛАС II поляна

АЛАС III очень

17. Каждый языковой абзац представляет сводку лексем, которые расположены в алфавитном порядке и снабжены соответствующими диалектными пометами с переводами на русский язык (прямым светлым шрифтом).

18. В начало таких абзацев вынесено, как правило, слово в форме, свойственной вышеуказанным ведущим диалектам младописьменных и некоторых бесписьменных тунгусо-маньчжурских языков.

19. При отсутствии данных по ведущему диалекту словарные материалы других диалектов помещаются по алфавиту с соответствующими пометами и переводами:

Эвенк. **анӣ** *Урм* мята (*растение*).

20. В случаях, когда фонетические соответствия в различных тунгусо-маньчжурских языках имеют относительно сложный характер, в квадратных скобках под звездочкой дается предполагаемая исходная форма этого слова, например:

Эвенк. **абгӯ** [***ҳа-ба-гу**] который, какой.

21. Диалектные формы, имеющие свои фонетические или морфологические отличия, даны в скобках в алфавитном порядке, через запятую и снабжены соответствующими пометами и общим переводом на русский язык:

Эвенк. **абданна** *П-Т*, *А*, *Алд*, *В-Л*, *Д*, *Н*, *Тк*, *Тнг*, *У*, *Хнг*, *Чмк* (**абдан** *Алд*, *З*, *Ткм*, **абданда** *А*, *Д*, *И*, *Чмк*, **абдандра** *С*, **абдарна** *Тнг*, **абдонно** *Ткм*, **авдан** *С*, **авданда** *Бнт*, *С-Б*, *Учр*, *Чмк*, *Тит.*, **авданна** *П-Т*, *Алд*, *Брг*, *Е*, *З*, *Н*, *Сх*, *Урм*, *Чмк*, **авдарна** *Тнг*, **аудан** *Ткм*) лист (*растения*); листва.

22. Материалы эвенкийского языка ввиду наличия в нем большого количества диалектов подаются следующим образом:

а) слово, встречающееся во всех диалектах и не имеющее диалектных расхождений, дано без помет:

Эвенк. **ā-** спать.

б) если диалектные особенности относятся к ряду слов одного гнезда, то соответствующие пометы приводятся лишь у первого слова и в дальнейшем не повторяются:

Эвенк. **алавӯ-** *П-Т*, *В-Л*, *И*, *Кч*, *Н*, *С-Б*, *Тп*, *Тит.* (**алаγӯ-** *П-Т*, *А*, *Алд*, *Брг*, *Е*, *З*, *Н*, *С*, *Сх*, *Урм*, *Учр*) учить; **алавӯв-** (**алаγӯв-**) учиться.

23. Фонетические варианты слова тех или иных языков или диалектов помещаются рядом через тильду:

Эвен. **āвӯн** ~ **аӯн** *Ол* шапка.

24. Слова, отличающиеся по морфологическому составу, но сходные по значению, отделяются запятой:

Эвенк. **авӣкта**, **авӣн** *П-Т*, *Е*, *З*, *И*, *Н*, *С* мозоль.

25. Если какое-либо значение слова установлено только в том или ином говоре, оно помечается арабской цифрой за скобкой с соответствующей пометой:

Эвенк. **алаγ** *П-Т*, *Алд*, *Е*, *З*, *Н*, *Тнг* (**ала** *И*, *Сх*, *Урм*, *Чмк*, **алиγ** ~ **алик** *Учр*) 1) лямка (в *оленьей упряжке*); 2) *Тнг* дойная важенка.

26. В Словарь включены имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, глаголы, наречия, изобразительные слова, послелоги, частицы, союзы, междометия.

27. Именные части речи приведены в форме именительного падежа единственного числа; формы множественного числа в словарь включены лишь в тех случаях, когда имеются особенности в их образовании; они помещаются в квадратных скобках с пометой *мн.* вслед за формой единственного числа.

28. Косвенные формы местоимений, формы сравнительной степени имен прилагательных и наречий, формы субъективной оценки имен (не лексикализованные) за редкими исключениями в словарь не включены.

29. У именных основ с конечным гласным, у которых в позиции перед согласным сохраняется утраченный конечный согласный *н*, последний отмечается вслед за основой в круглых скобках с дефисом:

Ороч. **атта(н-)** спина и т. п.

30. Особая форма основы личных местоимений в косвенных падежах помещается в квадратных скобках вслед за формой именительного падежа:

Эвенк. **би [мин-]** 1) я.

31. Глаголы даны в форме основы с дефисом:

Эвенк. **вā-** убить.

При наличии в спряжении глагола тех или иных особенностей вслед за основой в квадратных скобках приводится форма 3 л. ед. ч. настоящего времени изъявительного наклонения:

БУ- умереть

Эвенк. **бу- [бу-дэ-н, бу-рэ-н]** 1) умереть.

Для глаголов маньчжурского языка в указанных случаях помещается группа форм (причастий, деепричастий), позволяющих получить представление об исторических изменениях основы:

ЎЭВЭ̄МНЭ- зевать

Ма. **ўува- [*ўуван-: ўуваңқа, ўувампи]** 1) разевать рот, и т. п.

32. Из залоговых или видовых форм глагола включены лишь некоторые, наиболее ярко сказывающиеся на лексическом значении слова:

Эвенк. **ā- спать; āсин-** *П-Т, Н* 1) заснуть; 2) лечь спать; **āсинмукāн-** *П-Т, Втм, Н* уложить спать.

33. При наличии в основах глаголов, а также имен чередующихся согласных или гласных последние помещаются через косую черту:

Эвенк. **āγ-/к-** причалить.

Нан. **āпō/ўў** *Нх* шапка.

34. При совпадении по звуковому облику именной и глагольной основ сначала приводится именная, а за ней — глагольная основа, причем каждая из них сопровождается отдельным переводом:

Эвенк. **адил** 1) сеть (*рыболовная*); **адил-** забросить, поставить сеть.

35. Послелоги снабжены пометой *послелог*:

БАРОН правый

Ма. **бару** *З., Сиб послелог* по направлению к чему-л.

36. Частицы и междометия имеют пометы *частица, межд.*:

Эвенк. **а** *И частица* да (*при подтверждении*); **ā! ā! ā!** ~ **hā!** *П-Т, Ткм, Хнг, Тит. межд.* стой! (*окрик на оленя*).

37. Изобразительные слова с образным или звукоподражательным значением снабжены пометой *изобр.*:

Ма. **а та сэмэ** *изобр.* та! та! (*шум, крик, гам при ссоре*).

38. Устойчивые фразеологические или иные словосочетания приводятся в тех случаях, когда их лексическое значение требует иллюстрации:

Эвен. **атақӣ адъ̄лъ̄н, атақӣ мэңэлъ̄н** *Ол* паутина.

39. Имена собственные, как правило, в Словарь не включены, за исключением некоторых названий родов, имен персонажей из фольклорных произведений, кличек животных и т. д.:

Эвен. **āвлақан** *Ол, П* (**āвлан** *Ох*) черноголовый (*кличка собаки с черным пятном на голове*).

40. Структура сложных слов и аббревиатур раскрывается в квадратных скобках:

АНДА друг

Ма. **антарҳан** [< **антаҳа + чибирҳан**, *Х., Ш.*] **чэчикэ** воробей.

41. Перевод слов со сходными значениями для различных языков по возможности унифицирован:

Эвенк. **алā̄т-/ч-** ждать.

Сол. **алāш′-** ~ **алāш′и-** ждать.

Эвен. **алат-/ч-** ждать.

42. Если слово имеет несколько значений, переводы их даются в словаре с арабской цифрой за скобкой и отделяются один от другого точкой с запятой, например:

Нан. **аjā** *Нх* 1) воск; 2) свеча.

43. Иносказательное употребление слова отмечается после прямого значения с цифрой за скобкой с пометой *иноск.*:

Ороч. **анда** 1) друг; 2) *иноск.* кабарга.

44. Если слово в одной и той же словарной форме представляет различные части речи — имя прилагательное, наречие или существительное, или наречие и послелог, то переводы его помечаются цифрой с точкой и отделяются точкой с запятой:

Эвенк. **аjа** 1. 1) хороший; 2) добрый; 3) красивый; 4) здоровый; 5) удобный; 6) вкусный, сладкий; 2. 1) добро, добротное качество, доброта; 2) красота; 3) толк, польза; 3. 1) хорошо, ладно; 2) да, верно.

45. Когда значение слова точно неизвестно, в ТМС дается курсивом общее указание на род или вид такого типа, как *название растения, название утки*:

Эвенк. **аникта** 1) *П—Т, С, Учр название растения.*

46. Пояснения значений слов помещаются вслед за переводом в круглых скобках курсивом:

Эвенк. **асин** *П-Т* (**ашин** *П-Т, Ткм*) челка (*конская*).

47. В некоторых случаях дополнительно приводится в круглых скобках дословный перевод с пометой *досл.*:

НАДАН семь

Нег. **надан саңга** *Н* минога (*досл.* семь дыр).

48. Заимствованные слова снабжены в языковых абзацах указанием на язык — источник заимствования со знаком < в квадратных скобках:

АЛГАС ошибка

Эвенк. **алгас** [< *як.*] *М, Тк, Тмт, Учр, Члм* ошибка.

49. Если предполагается, что слово было заимствовано при посредстве другого языка, в скобках сначала помещается указание на язык — посредник заимствования:

АМПАР амбар

Эвенк. **ампар** [< *як.* < *рус.*] 1) *Тнг, Тит.* амбар; 2) *А, И, Урм* дом, изба.

50. Если источником заимствования является не один язык, указание на эти языки приводится в скобках со знаком ~ :

Эвенк. **бодо** [< *мо.* ~ < *як.*] 1) жизнь; 2) порядок; 3) судьба.

51. Лексические данные языков — источников заимствований вынесены в справочный отдел за знаком □. После названия языков, выделенных полужирным шрифтом со строчной буквы курсивом, дается словарный материал.

АН'И грех

Эвенк. **ан'и** [< *як.*] *Чмк* грех.

□ ***як.*** **аӈы** грех, проступок.

52. В случаях, когда перевод заимствования из русского языка по своей форме и по своему значению совпадает с формой и значением исходного русского слова, последнее в справочный отдел, как правило, не выносится:

Эвенк. **бан'ӯ** [< *рус.*] баня.

53. Китайские компоненты, входящие в состав маньчжурских сложных слов, помещаются не в справочном отделе, как в случаях прямого простого заимствования, а в маньчжурском словарном абзаце в квадратных скобках вслед за соответствующим словом:

Ма. **аймиқа** [< *кит.* **ай** синица (*самка*) + **томиқа чэчикэ** синица, *Х., Ц., Ш.*] **чэчикэ** синица, ремез (*самка*).

54. В справочном отделе приводятся также лексические параллели возможно генетически общего происхождения для тунгусо-маньчжурских, монгольских, тюркских, а также корейского языков. Такие параллели помещаются без помет.

55. При наличии в справочном отделе сопоставлений с несколькими языками сначала помещаются данные языков монгольских, затем тюркских, корейского и других.

56. В справочном отделе приводятся также постраничные ссылки на некоторые работы по проблемам генетической общности алтайских языков, в которых словарный материал по этим языкам представлен наиболее полно.

57. Помета *Ср.* (*сравни*) в справочном отделе используется в следующих случаях:

1) при указании на возможное происхождение от одного корня слов, помещенных в ТМС в разных статьях, например:

АРБА I мель

□ *Ср.* **арбун II стрелка;**

2) при расхождении с мнением других авторов, например: **АӇЙЛЙ иной**

□ *Ср. Р.* 60.

3) при предполагаемой связи тунгусо-маньчжурского слова со словами других языков, например:

БОЛО осень

□ *Ср.* ***п.-мо.*** **bol-** 1) становиться; 2) созревать, поспевать

4) при сопоставлении значения слов, например: **А II** сила (*производящая*) *Х., Ш.*: *ма.* **а** *ср. кит.* **ян** 1) мужское начало природы; 2) солнце;

5) при сопоставлении маньчжурских сложных слов, аббревиатур или словосочетаний, являющихся калькой с китайского:

Ма. **аjjōңга** [<**аjсин** + **jōңган** песок, *Х., Ц.*] **илха** *название растения.*

□ ***Ма.*** **аjjōңга илха** *ср.* ***кит.*** **цзиньшāхуā** *название растения* (*досл.* золото + + песок + цветок).

58. Вопросительный знак (?) употребляется:

1) в случае сомнений в правильности отнесения слова к данному гнезду слов, например:

ĀВУН шапка

Ороч. **āпу(н-)** шапка (*головной убор*); **āпулā-** надеть шапку; (?) **āпулка** большая синица;

2) в случае сомнения в значении слова, например:

ĀМЙ I диафрагма

Ороч. **āми** селезенка (?);

3) в случае сомнения, что слово является заимствованием, например:

БУДУҢ крупный

Эвенк. **будуң** [< *як.* (?) < *мо.*] крупный;

4) в случае несогласия авторов Словаря с приводимыми в других источниках сравнениями, сопоставлениями и т. д.:

АВАМ широкий

Ороч. **амма** (?) *Л.* широкий (*о реке*).

□ (?) *Р.* 59;

5) вопросительный знак (?) означает также ошибочность китайской этимологии или соответствия, приводимых в используемых в ТМС источниках (см. ниже, стр. XXIII); в этом случае вопросительный знак (?) ставится впереди фамилии автора, у которого взята данная разработка, например:

ГА- II отталкиваться шестом

Ма. . . . **гувафу** [(?) *Ш.*: *кит.* **гуǎйбàн** дубинка + **гуǎйфǔ** секира] 1) шесты... — В действительности маньчжурское слово **гувафу** не связано с китайским языком.

59. В ТМС принята фонетическая транскрипция на основе знаков русского алфавита с дополнением ряда диакритических значков и некоторых букв греческих или латинских. Для материалов, где использованы другие принципы написания на русской или латинской графической основе, в возможной степени проведена унификация с принятой для Словаря системой графики. Для чжурчженьского языка полностью сохранена транслитерация источника — словаря Грубе.

60. При алфавитном расположении слов в языковых абзацах словарной статьи, так же как и у опорных слов, буквы с диакритическими значками рассматриваются как знаковые варианты той или иной основной литеры. Алфавитный перечень основных знаков принятой в Словаре транскрипции и диакритических знаков прилагается.

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ЗНАКОВ ТРАНСКРИПЦИИ, ПРИНЯТЫХ В СЛОВАРЕ

а (ā, ă, a͡, ‘а, ъ), б (б′), в (в′), г (ɣ, γ, г′, ɣ′, ƃ, ґ), д (д′), ǯ (ǯ̄, ц), е̄ (е, ие, ę, ē, æ, ä), и (ӣ, ӥ, ǐ, ӣ, ӣ, ǐ, ǐ̄, і, ɪ, ī, ӏ, ы), j, к (қ, к′, қ′, к̄, х, ҳ, х′, ҳ′ х̄), х (ҳ, х′, ҳ′, х̄), л (л′, l, l′), м (м′), н, н′, ң (ң′), о (ō, ŏ, o͡, ‘о, o͝o, ӧ, ō), ө (ө̄), п (п′), р (р′), с (с′), т (т′), у (ӯ, ў, ȳ, ӯ, ȳ, ӯ, ȳ, ӯ, ў, ȳ), ф (ф′), h (h′), ц (цз), ч, ш (ш′), э (э̄, э̆, э͡, ‘э, ъ).

Транскрипция фонем и отдельных звукосочетаний эвенкийского языка

	Буквы алфавита ТМС	Буквы русского алфавита Г. М. Василевич.* Эвенкийско-русский словарь	Буквы латинского алфавита M. A. Castrén. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre
1	а, ā	а, ā (я, я̄)	a, â
2	б	б	b
3	в	в	w
4	г, —γ—	г	g (~ -γ-)
5	д	д	d
6	ǯ	(дь)	ǯ, ʒ́, đ
	(ǯа, ǯē, ǯи, ǯо, ǯу, ǯэ)	(дя, дē, ди, дё, дю, де)	(đe, đi)
7	ē	(с+)ē (~э̄—)	ê
8	и, й	и, й, ы	i, î
9	j	—й	j, v+i
	(ja, ji, jo, jy, jэ)	(я, v+и, ё, ю, е)	(ja, jo, ju, jų, jä)
10	к	к	k
11	л	л	l, ł
12	м	м	m
13	н	н	n
14	н′	(нь)	ŋ
	(н′а, н′о, н′у, н′э)	(ня, нё, ню, не)	(ŋa, ŋe, ŋi, ŋo, ŋu)
15	ң	нг	ŋ
16	о, ō	о, ō (ё, ё̄)	o, ô
17	п	п	p
18	р	р	r, ŗ
19	с	с	s
20	т	т	t
21	у, ȳ (ў, ȳ)	у, ȳ (ю, ю̄)	ų, ų̂ (u, û)
22	ф	ф	f
23	h	х	h
24	ч	ч	c, ċ, ŧ
25	ш	ш	ś
26	э, э̄	э, э̄ (е, ē)	ä, ä̂

* Транскрипция эвенкийско-русского словаря Г. М. Василевич соответствует орфографическим нормам литературного эвенкийского языка с дополнительным обозначением долготы гласных.

Транскрипция фонем и отдельных звукосочетаний эвенского языка

	Буквы алфавита ТМС	Буквы русского алфавита В. И. Цинциус и Л. Д. Ришес. Эвенско-русский словарь*	Буквы латинского алфавита В. Г. Богораз. Материалы по ламутскому языку
1	а, ā, ъ	а	a, ā
2	б, б′	б	b, b′
3	в	в	w
4	г, г′, —γ—	г	g, g′, ĭ
5	д	д	d
6	ǯ	дь	з, d′
	(ǯа, ǯē, ǯи, ǯо, ǯу, ǯў, ǯэ)	(дя, дē, ди, дё, дю, де)	(d′a, d′e, d′i, d′o, d′ä)
7	ӕ, иа	я	ä
8	иe, ē	е	ę, ą̈, уä
9	и, ӣ, й, ӣ	и, ы	i, ɪ
10	j	—й	y
	(ja, ji, jo, jө, jy, jў, jэ)	(я, v+и, ё, ю, е)	(ya, v+i, yo, yu, ye, yä)
11	к, к′, ӄ, ӄ′	к	k, k′
	(кэ, ку, ки, кй, ка, кө, ӄа, ӄо, ӄў, ӄй, ӄа)		
12	л, л′	л	l, л

Продолжение таблицы

	Буквы алфавита ТМС	Буквы русского алфавита В. И. Цинциус и Л. Д. Ришес. Эвенско-русский словарь*	Буквы латинского алфавита В. Г. Богораз. Материалы по ламутскому языку
13	м, м′	м	m, m′
14	н	н	n
15	н′	н^{ь}	n′
	(н′а, н′о, ӈ′ө, н′у, н′ӯ, н′э)	(ня, нё, ню, не)	(n′a, n′o, n′u, n′e, n′ä)
16	ӈ	нг	ŋ
17	о, ō; ө, ө̄	о (о—э) (ё)	o, ō, o_0
18	п, п′	п	p, p′
19	р, д^{р}	р	r, d^{r}
20	с, с′	с	s
21	т	т	t
22	у, ӯ, ӯ, ӯ	у	u, ū
23	h, h′	х	h, h′
24	ч	ч	ч, ч′
25	ш	ш	ш
26	э, ē, ъ	э	e, ä, ə, ə̆

* В отличие от действующих орфографических норм эвенского литературного языка в эвенско-русском словаре согласный ӈ обозначен буквами нг, гласные ө, ə̆ переданы знаком о или у.

Транскрипция фонем и отдельных звукосочетаний нанайского языка

	Буквы алфавита ТМС	Буквы русского алфавита Т. И. Петрова. Нанайско-русский словарь*	Буквы русского алфавита О. П. Суник. Кур-урмийский диалект
1	а, ā (–ā, –ā̃)	а, ā (я, я̄) (–ан, –ān)	а, ā (–а^{н}, –ā^{н})
2	б, б′	б	б, б′
3	в	в	в, w
4	г, г′, ӷ (гэ, гу, ги, гй, ӷа, ӷо, ӷй)	г (гэ, гу, ги, га, го)	г; г′, –г– (гэ, гу, ги, га, го)
5	д	д	д
6	ǯ (ǯа, ǯи, ǯо, ǯу, ǯэ)	(д^{ь}) (дя, ди, дё, дю, де)	ǯ, д′ (ǯа, д′и~ǯи, ǯо, ǯу, ǯэ)
7	е, ē	—	—
8	и, ӣ, ӣ, ӣ (–ӣ, –ӣ, –ӣ, –ӣ)	и, ӣ (–ин, –ӣн)	и, ӣ, i̱, е (–и^{н}, –i^{н})
9	j (ja, ji, jo, jy, jэ)	–й (я, йи, ё, ю, е)	j (ja, ji, jo, jy, jэ)
10	к, к′, ӄ (кэ, ку, ки; ӄа, ӄо, ӄӯ, ӄӣ)	к (кэ, ку, ки, ка, ко)	к, к′, (ӄ) (кэ, ку, ки, кі, ке, ӄа, ӄо)
11	х, х′, ҳ (хэ, ху, хи; ҳа, ҳо, ҳӯ, ҳӣ)	х (хэ, ху, хи, ха, хо)	х, х′, (ҳ) (хэ, ху, хи, хі, хе, ҳа, ҳо)
12	л, л′	л	л, л′
13	м, м′	м	м, м′
14	н	н	н
15	н′ (н′а, н′е, н′и, н′о, н′у, н′э)	(н^{ь}) (ня, ни, нё, ню, не)	н′, н (н′а, не, ни, н′о, н′у, н′э)
16	ӈ– (ӈг, ӈк)	нг–(–нг—,–нк–)	ӈ–(-ӈг-, -ӈк-)
17	о, ō (–ō, –ō̃)	о, ō (ё, ё̄) (–он, –ōн)	о, ō (–о^{н}, –ō^{н})
18	п	п	п
19	р, р′	р	р, р′
20	с, с′	с	с, с′

Продолжение таблицы

	Буквы алфавита ТМС	Буквы русского алфавита Т. И. Петрова. Нанайско-русский словарь*	Буквы русского алфавита О. П. Суник. Кур-урмийский диалект
21	т	т	т
22	у, ӯ, ӳ, ӯ̄ (-ӯ, -ӯ̄, -ӳ, -ӯ̄)	у, ӯ (—ун, ӯн)	у, ӳ, ӯ̆ (—у^{н}, —ӯ^{н}, —ӳ^{н}, ӯ^{н})
23	ф, ф′	ф	ф, ф′
24	ч	ч	ч, (т′)
25	э, ӭ (ӭ, ӭ̄)	э, ӭ (—эн,—ӭн)	э, ӭ э^{н}, ӭ^{н}

* Транскрипция нанайско-русского словаря Т. И. Петровой соответствует орфографическим нормам литературного нанайского языка с дополнительным обозначением долготы гласных.

Транскрипция фонем и звуков солонского языка *

	Буквы алфавита ТМС	Буквы латинского алфавита Н. Н. Поппе. Материалы по солонскому языку	Буквы русского алфавита А. О. Ивановский. Образцы солонского и дахурского языков
1	а, ā (—ā, —ā̄)	a, ā (—ā, —āā)	а —
2	б, б′	b, b′	б, б́
3	в	w	в, w
4	г, г′,—γ—	g, γ	г, ǧ, ɣ, ɣ́
5	д	d	д
6	ǯ	ǯ	д̌, ʒ, ǯ, ц, ц̀
7	е, ē, ė, еи	ē, ė ɛi	е
8	и, ӣ (—й, —ӣ)	i, ī (—ĭ, —ĭī)	і, и, ӣ —
9	j	j	j
10	к, к′	k	к, к̀
11	х, х′; χ	x; χ	х, х̀
12	л, л′	l	л, л̀
13	м, м′	m	м, м̀
14	н	n	н
15	н′	n′	н̀
16	ŋ	ŋ	ŋ, ŋг, нг
17	о, ō; ӧ, ӧ̄	o, ō, ӧ, ӧ̄	о
18	(—ō, —ō̄)	(—ō, —ōō)	—
19	п, п′	p	п, п̀
20	р, р′	r	р, р̀
21	с, с′	s	с, с̀
22	т	t	т
23	у, ӯ, ӳ, ӯ̄; ӳи (—ӯ, —ӯ̄, —ӳ, —ӯ̄)	ш, ш̄, u, ū; ü(i̯) (—ш̄, —ш̄ш̄, —ū, —ūū)	у
24	ф	f	ф
25	h	(h)	h
26	ц	c	ц, ц̀
27	ч, ч′	č, č′	ч, ч̀, ҵ
28	ш, ш′	š′	ш, ш̀
29	э, ӭ (—ӭ, —ӭ̄)	e, ē (—ē̤, —ē̤ē̤)	е, э —

* Фонологический характер транскрипции Н. Н. Поппе позволяет полностью транслитерировать все латинские знаки буквами русского алфавита ТМС. Написание А. О. Ивановского сохранено, за исключением постановки знака смягчения не над согласными, а справа от буквы, например м́ = м′.

Транскрипция и транслитерация маньчжурских начертаний букв и слогов

	Буквы алфавита ТМС	Буквы русского алфавита И. И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь	Буквы латинского алфавита E. Hauer. Handwörterbuch der Mandschusprache
1	а	а	a
2	б	б, —бъ	b
	б′: б′а, б′ō, б′о, б′у, б′э	(б′): бя, бiō, бio, бю, бѣ*)	bi: (biya, biyo, bio)
3	в	в	w
4	г	г (∼ī)	g
	(ги, гэ, гу)	(ги, гэ, īу)	(gi, ge, gu)
	г′: г′а, г′ō, г′о, г′у, г′э	(г′): гя, гiō, гio, гю, гѣ	gi: giya, giyo, gio, giyû, giye
5	ғ	г	g
	(ға, ғо, ғу)	(га, го, гу)	(ga, go, gû)
6	ī	ī	g’
	(īа, īо)	(īа, īо)	(g’a, g’o)
7	д	д	d
	д: д′а, д′э	дя, дѣ	di: diya, diye
8	ǯ	чж	j
9	ē	—	—
10	и	и	i
11	j	—й	y
	(ja, jō, jo, jy, jэ)	(я, iō, io, ю, ѣ)	(ya, yo, io, yu, ye)
12	к	к, —къ (∼ǩ)	k
	(ки, кэ, ку)	(ки, кэ, ǩу)	(ki, ke, ku)
	к′: к′а, к′ō, к′о, к′у, к′э	(к′): кя, кiō, кio, кю, кѣ	ki: kiya, kiyo, kio, kiyû, kiye
13	ӄ	к, —къ	k
	(ӄа, ӄо, ӄу)	(ка, ко, ку)	(ka, ko, kû)
14	ǩ	ǩ	k’
	(ǩа, ǩо)	(ǩа, ǩо)	(k’a, k’o)
15	х	х (∼x̄)	h
	(хи, хэ, ху)	(хи, хэ, x̄у)	(hi, he, hu)
	х′: х′а, х′ō, х′о, х′у, х′э	(х′): хя, хiō, хio, хю, хѣ	hi: hiya, hiyo, hio, hiyû, hiye
16	ӽ	х	h
	(ӽа, ӽо, ӽу)	(ха, хо, ху)	(ha, ho, hû)
17	x̄	x̄	—
	(x̄а, x̄о)	(x̄а, x̄о)	
18	л	л, —лъ	l
	л′: л′а, л′ō, л′о, л′у, л′э	(л′)ля, лiō, лio, лю, лѣ	li: liya, liyo, lio, liye
19	м	м, —мъ	m
	м′: м′а, м′ō, м′о, м′у, м′э	(м′): мя, мiō, мio, мю, мѣ	mi: miya, miyo, mio, miye
20	н	н, —нь	n
21	н′	(н′): ня, нiō, нio, ню, нѣ	
	(н′а, н′ō, н′о, н′у, н′э)		ni: niya, niyo, nio, niye
22	ң	—н (г), —нъ	ng
23	о	о	o
24	п	п	p
	п′: п′а, п′ō, п′о, п′у, п′э	(п′): пя, пiō, пio, пю, пѣ	pi: piya, piyo, pio
25	р	р, —ръ	r
26	с, c̄	с, c̄	s
	с′: с′а, с′ō, с′о, с′у, с′э	(с′): ся, сiō, сio, сю, сѣ	si: siya, siyo, sio, siyû, siye
27	т	т, —тъ	t
28	у	у, ȳ	u, û
29	ф	ф	f
	ф′: ф′а, ф′ō, ф′о, ф′у, ф′э	(ф′): фя, фiō, фio, фю, фѣ	fi: fiya, fiyo, fio, fiye
30	h	—	—
31	ц, цз	ц, цз	z’, z
32	ч	ч	c
33	ш	ш, —шъ	š
34	э	э	e

* Маньчжурский гласный и (i) в сочетаниях с последующими гласными а, о, у, э трактуется в ТМС как знак смягчения предшествующего согласного (б′а, г′а, к′а, х′а и т. д.). Поскольку в маньчжурской графике имеется двоякое сочетание гласного и (i) + о (-бijō—бio, гijō—гio и т. д.), в ТМС при передаче этих сочетаний в первом случае сохраняется черта над буквой б, как это было принято И. Захаровым (б′ō—б′о, г′ō—г′ō и т. д.). Это относится также к сочетаниям j + о (т. е. я = ja, ю = jy, ѣ = jэ, но iō(ё) = jō, io = jo).

Значение диакритических значков:

¯над гласной — долгота; ~над гласной — назализация; ·над гласной — твердорядность; ₀за гласной — закрытость; ʻперед гласной — прерывность; ʰмежду гласными — придыхание; ʼнад гласной — ударение; ʼпосле согласной — палатализация; буквой ъ передается редуцированный ы-образный гласный мягкого ряда (типа ӭ); ѣ — редуцированный ы-образный гласный твердого ряда (типа ӓ).

Степень графической детализации в передаче звукового состава слов (или их основ) по отдельным языкам в ТМС различна прежде всего в связи с характером имевшихся в распоряжении его составителей опубликованных или рукописных источников. Это относится к обозначению как гласных, так и согласных.

В первую очередь следует остановиться на вопросах передачи долготы, дифтонгизации и гармонии гласных.

При расхождениях в обозначении долготы гласных в Словаре помещаются обе разновидности, например:

Эвенк. **кā-** [< *мо.*] *К.* (**ка-** *Втм*, *Нрч*) закрыть, запереть.

При наличии или отсутствии пометы долготы гласного в одних и тех же говорах оба варианта написания помещаются через тильду, например:

Эвенк. **кэ̄ју ~ кэјӯ** [< *як.*] *М*, *Сх*, *Тмт*, *Урм*, *Учр*, *Члм* 1) густой.

В эвенском языке долгота гласных непервых слогов, как правило, отмечается для быстринского и охотского говоров, в остальных же долгие гласные отражаются как гласные недолгие, эти последние в той же позиции редуцируются и воспринимаются как ы-образные **ѣ (ӓ)** или **ъ (ӭ)**, например:

КАЛБУ пояс

Эвен. **қāлбѣлавқан-** *Ол* (**кāлбѣлавкан-** *М*, *Т*, **қалбѣлавқāн-** *Б*) подпоясать.

Дифтонгизация гласных, характерная для тунгусо-маньчжурских языков Приамурья (нанайского, ульчского, удэйского, орочского), передается в ТМС путем написания соответствующих гласных, входящих в дифтонгические сочетания, например:

БУГА I местность

Уд. **буауха** *Хор* наружный.

Нан. **боақйаӡйа** *Нх* наружный.

Дифтонгоидный характер гласных эвенского языка обозначается надстрочным знаком, например:

КЙКЭ̄- свистеть

Эвен. **к^{и}ēкэ̄-** *Ол*, *Алл*, *Арм*, *Б*, *М*, *Ох*, *П* (**кйкэ̄-** *Ох*, *Ск*, Т) свистеть.

КЕ̄ТАРА- кривой

Эвен. **қ$\bar{\text{е}}$ва-** *Ол*, *П* (**к$\bar{\text{е}}$ва-** *Б*, *М*, *Т*, **к$^{и}\bar{\text{е}}$ва-** *Ск*, **кйва-** *Алл*) гнуть.

Гармония гласных (наличие твердорядных или мягкорядных гласных в слове) свойственна всем тунгусо-маньчжурским языкам, но проявляется в них не в одинаковой степени. Это относится прежде всего к узким гласным типа *и* (негубным) и *у* (губным).

В эвенкийском языке гласный *и* является нейтральным в отношении гармонии гласных, т. е. может сочетаться в словах с гласными как твердого ряда (*а*, *о*, *ē*), так и мягкого (*э*). То же самое относится к языкам солонскому, орочскому, удэйскому и маньчжурскому. В словаре гласный *и* этих языков передается буквой *и*. Что касается языков эвенского, негидальского, ульчского, орокского и нанайского, в них гласный *и*, особенно в начальных слогах слов с твердорядной огласовкой, характеризуется более низким подъемом, приближаясь к *е*, или фарингализацией (ольский говор эвенского языка). В ТМС твердорядность гласного *и* этих языков отмечается точкой над буквой *и̇*, тогда как для мягкорядного используется буква *и*, например:

Эвенк., Ма., **илан,** ***Сол.*** **ила̄,** ***Ороч., Уд.*** **ила(н-),** ***Эвен., Нег.*** **и̇лан,** ***Нан.,*** **и̇ла̄,** ***Ульч., Орок.*** **йла(н-)** три.

Эвенк., Нег., Ороч., Ульч., Нан. **ичэ-,** ***Сол.,*** ***Уд.*** **исэ-,** ***Эвен.*** **ит-/ч-,** ***Орок.*** **итэ-** увидеть.

Оппозиция *ӯ* твердого ряда *у* мягкорядному в тунгусо-маньчжурских языках представлена отчетливей и шире. В языках негидальском и нанайском в начальных слогах *ӯ* > о; в эвенском, солонском, ульчском, орокском и, по-видимому, в орочском, а также

в ряде говоров эвенкийского языка (материалы Кастрена, говоры восточного диалекта) различаются два типа *у*. В ТМС в отношении языков эвенкийского, удэйского, орочского и маньчжурского для обозначения губного узкого *у* принята буква *у*, в остальных отмечаются *ў* и *у*, например:

Эвенк., ***Ороч.***, ***Уд.*** умукта, ***Ма.*** умҳан, ***Эвен.*** ўмта, ***Сол.*** ўмўрта ~ ўматта, ***Ульч.***, ***Орок.*** ўмўқтā, ***Нег.*** омокта, ***Нан.*** омоқта яйцо.

Эвенк., ***Сол.*** уркэ, ***Эвен.*** уркъ ~ уркэ, ***Сол.***, ***Ороч.*** уккэ, ***Уд.*** укэ, ***Нег.***, ***Нан.*** уjкэ, ***Нег.*** *В* ут'кэ ~ ус'кэ, ***Ульч.***, ***Ма.*** учэ, ***Орок.*** утэ дверь, вход.

Следует отметить также, что в ТМС принято фонематическое обозначение широкого гласного мягкого ряда *э*, который в отдельных тунгусо-маньчжурских языках или в их говорах имеет различные варианты произношения (от ä ~ ö до ы ~ ъ). То же самое относится к фонеме *э* под долготой, т. е. к э̄, которая может реализоваться в виде *о*-образного (*ō*) или *а*-образного (*ā*) варианта.

Что касается согласных, то прежде всего следует остановиться на написании заднеязычных или, шире, гуттуральных *к*, *х*, *г*. Для языков эвенкийского, солонского, удэйского и ряда говоров эвенского языка установлены лишь заднеязычные типы указанных согласных. Вместе с тем в маньчжурской графике различается два вида написания согласных *к*, *х*, *г*. Поскольку имеющиеся данные по языкам нанайскому, ульчскому и орокскому позволяют говорить о наличии отчетливо выраженных двух типов гуттуральных - заднеязычных и увулярных (язычковых), т. е. *к*—*қ*, *х*—*ҳ*, *г*—*ғ*, то для этих языков, а также для маньчжурского в ТМС для обозначений заднеязычных используются буквы *к*, *х*, *г*, для увулярных — *қ*, *ҳ*, *ғ*. При этом в маньчжурском языке и в кур-урмийском говоре нанайского языка увулярные не наблюдаются перед гласным *и*, а также в случае смягчения (палатализации) указанных согласных.

В ольском, арманском, быстринском, пенжинском и аллайховском говорах эвенского языка различаются глухой заднеязычный *к* и увулярный *қ*, причем перед гласными *и̇*, *ӣ*, *æ* в быстринском говоре и арманском диалекте увулярные не встречаются. Увулярные согласные *к*, *х* наблюдаются также в орочском языке и в низовском говоре негидальского языка, но в связи с отсутствием исчерпывающих данных в ТМС для этих языков увулярность не отмечается. Например:

Эвенк. калим, ***Эвен.*** қалӣм, ***Нег.*** калӣм, ***Уд.*** калима, ***Ульч.*** қалма, ***Орок.***, ***Нан.*** қалӣма, ***Ма.*** қалиму кит.

Эвенк., ***Нег.*** *В*, ***Ульч.*** кэ̄та кета, ***Эвен.*** қэ̄та ~ кæта, ***Ороч.*** киата, ***Орок.*** қэ̄та, ***Нан.*** қӣата *Нх* (к'ата *К-У*, қэ̄та *Бк*), ***Ма.*** к'ата кета — рыба лососевой породы после икрометания, дохлая, плавающая на поверхности.

Помимо букв *к*, *х*, *г* и *қ*, *ҳ*, *ғ*, для маньчжурского языка в ТМС сохранены написания *к̄*, *х̄*, *ḡ* в заимствованных словах, как это было принято И. Захаровым.

При передаче лексических параллелей, заимствований, калек составители Словаря по возможности придерживались транскрипции привлекаемых источников. Так, для языков монгольского и бурятского лексические данные приведены в соответствии с орфографическими нормами этих языков, опирающимися на русскую графическую основу. Для письменно-монгольского, как и для древнетюркского, согласно существующей традиции, используется латиница. При этом написание древнетюркских слов полностью опирается на Древнетюркский словарь (Л., 1969). Что касается письменно-монгольского, то упоминания заслуживает передача мягкорядных *е*, *ӧ*, *ӱ*, а также среднеязычного щелевого *j* (*у*) и аффрикативного *ǯ* (*j*, *z*). Для якутского сохранена транскрипция словаря Э. Пекарского, за исключением знака *ɲ*, вместо которого принят *ǯ*.

Корейские слова приводятся в транскрипции А. А. Холодовича (Корейско-русский словарь, М., 1958).

В передаче привлекаемого китайского лексического материала в тех источниках, которые использованы при составлении ТМС, нет единообразия. И. Захаров в своем маньчжурско-русском словаре подает китайские слова в знаках русского алфавита и не приводит иероглифического написания. Э. Хауэр помещает иероглифы без транскрипции и переводов. В работе П. Шмидта «Chinesische Elemente im Mandschu» даны и иероглифы, и транскрипция, но последняя основана на знаках латинского алфавита. В ТМС китайский материал дается как в иероглифическом написании,

так и в транскрипции. При этом в целях унификации принята традиционная русская транскрипция, слитное написание слов и обозначение тона согласно словарю «Ханьюй цыдянь» (Шанхай, 1957). При переводе китайских слов на русский язык использованы в основном Китайско-русский словарь под редакцией проф. И. М. Ошанина и Китайско-русский словарь Палладия (П. Кафарова) и П. С. Попова.

Китайские этимологии и соответствия к маньчжурским словам заимствованы из словаря Э. Хауэра и специальной работы П. Шмидта, которые были полностью использованы, а также из словаря И. Захарова. Они сопровождаются ссылкой на авторов, у которых взяты разработки (*Х.*, *Ш.*). Ссылки на И. Захарова (*З.*) приводятся лишь в тех случаях, когда его указание на связь маньчжурского слова с китайским не нашло отражения в последующих работах П. Шмидта и Э. Хауэра. Многие предлагаемые этими авторами китайские этимологии и сопоставления неверны, однако составители Словаря сочли необходимым в справочных целях привести в ТМС все встречающиеся в основных источниках китайские разработки. Случаи ошибочных этимологий и сопоставлений отмечены в ТМС вопросительным знаком (?); см. стр. XVI, п. 58,5. Китайские этимологии тунгусо-маньчжурских слов, которые даются без указания на автора, предложены Т. Г. Бугаевой.

СОКРАЩЕНИЯ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ В СЛОВАРЕ

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ЯЗЫКИ

Ма. — маньчжурский язык
Нан. — нанайский язык
Нег. — негидальский язык
Орок. — орокский язык
Ороч. — орочский язык
Сол. — солонский язык
Уд. — удэйский язык
Ульч. — ульчский язык
Чж. — чжурчженьский язык
Эвен. — эвенский язык
Эвенк. — эвенкийский язык

ГОВОРЫ И ДИАЛЕКТЫ

Эвенкийский язык

А — аянский говор восточного наречия
Аг — говор эвенков Агаты и Большого Порога северного наречия
Алд — алданский говор восточного наречия
Б — байкитский говор южного наречия
Бнт — баунтовский говор южного наречия
Брг — баргузинский говор южного наречия
В — ванаварский говор южного наречия
В-Ам — верхнеамурский говор восточного наречия
В-Л — верхоленский говор южного наречия
Вл — вилюйский говор восточного наречия
Втм — витимский говор восточного наречия
Д — дудинский говор северного наречия
Е — ербогоченский говор северного наречия
З — зейский говор восточного наречия
И — илимпийский говор северного наречия
Кч — качугский говор восточного наречия
М — майский говор восточного наречия
Н — непский говор южного наречия
Нак — наканновский говор северного наречия
Нрч — нерчинский говор восточного наречия
Олкм — олекминские говоры восточного наречия
П-Т — подкаменнотунгусские говоры южного наречия
С — сымский говор южного наречия
С-Б — северо-байкальский говор южного наречия
Сх — сахалинские говоры восточного наречия
Тк — токкинский говор восточного наречия
Ткм — токминский говор южного наречия
Тмт — томмотский говор восточного наречия
Тнг — тунгирский говор восточного наречия
Тп — тимптонский говор восточного наречия
Тт — тоттинский говор восточного наречия
У — учамский говор южного наречия
Урм — урмийский говор восточного наречия
Учр — учурский говор восточного наречия
Хнг — хинганский говор восточного наречия
Члм — чульманский говор восточного наречия
Чмк — чумиканский говор восточного наречия

Солонский язык

Д — говор осолонившихся дагуров

Эвенский язык

Алл — аллайховский говор среднего наречия
Ан — анюйский говор среднего наречия
Анд — анадырский говор восточного наречия
Арм — арманский диалект
Б — быстринский говор восточного наречия
К-О — колымско-омолонский говор восточного наречия
М — момский говор среднего наречия
Ол — ольский говор восточного наречия
Ох — охотский говор восточного наречия
П — пенжинский говор восточного наречия
С-Э — северо-эвенский говор восточного наречия
Ск — саккырырский говор западного наречия
Т — томпонский говор среднего наречия
Тг — тюгесирский говор западного наречия
Юк — юкагирский говор западного наречия

Негидальский язык

В — верхне-амгуньский говор
Н — нижне-амгуньский говор

Орочский язык

Т — тумнинский говор
Х — хадинский говор

Удэйский язык

Ан — анюйский говор
Бик — бикинский говор
Смрг — самаргинский говор
Хор — хорский говор

Нанайский язык

Бк — бикинский говор
К-У — кур-урмийский говор
Нх — найхинский говор

Маньчжурский язык

Сиб — сибинский диалект

Бурятский язык

аг. — агинский говор
ал. — аларский диалект
барг. — баргузинский говор
бох. — боханский диалект
булг. — булгатский говор
вост. — восточное наречие
зап. — западное наречие
каб. — кабанский подговор
мух.-шиб. — мухор-шибирский говор
окин. — окинский говор
сел. — селенгинский диалект
тунк. — тункинский говор
унг. — унгинский говор
хорин. — хоринский диалект
эхир. — эхиритский диалект

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Гр. — W. Grube. Goldisch-Deutsches Wörterverzeichniss mit vergleichender Berücksichtigung der übrigen tungusischen Dialekte. Petersburg, 1900.

З. — И. И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.

Ив. — А. О. Ивановский. Mandjurica. Образцы солонского и дахурского языков. СПб., 1894.

К. — M. A. Castrén. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. St. Pt. 1856.

Л. — Леонтович С. Краткий русско-ороченский словарь с грамматической заметкой. Зап. Об-ва изучения Амурского края. т. V, в. II. Владивосток, 1896.

Лс. — Mongolian-Englisch dictionary. Compiled by M. Halted, J. Gombojab Hangin, S. Kasatkin, F. D. Lessing. California, Los Angeles, 1960.

П. — N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. T. 1. Wiesbaden, 1960.

Р. — G. J. Ramstedt. Studies in Korean Etymology. Helsinki, 1949.

Снж. — Санжеев Г. Д. Маньчжурско-монгольские языковые параллели. ДАН, 1930, № 8—9.

Тит. — Титов Е. И. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926.

Х. — Hauer E. Handwörterbuch der Mandschusprache. Wiesbaden, 1952.

Ц. — Zach E. Указание на работы Э. Цаха (см. список источников) дается в тех случаях, если оно имеется в словаре Э. Хауэра.

Ш. — P. Schmidt. 1) Chinesische Elemente im Mandschu. — Asia Major, Leipzig, v. VII, fasc. 4, 1932; v. VIII, fasc. 1/2, 3; 2) The Language of the Negidals. — Acta Universitatis Latviensis, V, Riga, 1923; 3) The Language of the Olchas. — Acta Universitatis Latviensis, VIII, Riga, 1928; 4) P. Schmidt. The Language of the Oroches. — Acta Universitatis Latviensis, XVII Riga, 1928; 5) The Language of the Samagirs. — Acta Universitatis Latviensis, XIX, Riga, 1928.

Шт. — Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, негидальцы, айны. Сб. «Статьи и материалы», Хабаровск, 1933.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

адм. — административный
азерб. — азербайджанский
алт. — алтайские языки
анат. — анатомический
арифм. — арифметический
астр. — астрономический
аффф. — аффикс
безл. — безличный
бот. — ботанический
бран. — бранный
будд. — буддийский
бур. — бурятский
вводн. — вводное слово
вежл. — вежливое
взаимн. — взаимный
вкл. ф. — включительная форма
возвр. — возвратный
воен. — военное
вопр. — вопросительный
воскл. — восклицание
вр. — время, временной
в.-с. — восточно-сахалинский
вспом. — вспомогательный
глаг. — глагол
геогр. — географический
грамм. — грамматический

даг. — дагурский
деепр. — деепричастие
диал. — диалектный
долг. — долганский
досл. — дословно
др. — другой
древн. — древний
др.-тюрк. — древнетюркский
ед. — единственное число
др.-мо. — древнемонгольский
заимст. — заимствованный
зват. — звательный
звукоподр. — звукоподражательный
зоол. — зоологический
изобр. — изобразительное слово
им. — именительный падеж
иноск. — иносказательный
искл. ф. — исключительная форма
ист. — исторический
калм. — калмыцкий
кит. — китайский
колич. — количественное числительное
кор. — корейский
косв. — косвенный
л. — лицо
ласк. — ласкательный
личн. — личный
малайск. — малайский
малоупотр. — малоупотребительный
мат. — математический
межд. — междометие
мест. — местоимение
местн. — местный падеж
миф. — мифологический
мн. — множественное число
многокр. — многократный
мо. — монгольские языки
монг. — монгольский язык
монгр. — монгорский язык
муз. — музыкальный
напр. — например
направ. — направительный падеж
нареч. — наречие
неизм. — неизменяемый
нен. — ненецкий язык
неол. — неологизм
неперех. — непереходный
неупотр. — неупотребительно
нивх. — нивхский (гиляцкий) язык
образн. — образное слово
обращ. — обращение
однокр. — однократный
п. — падеж
п.-мо. — письменно-монгольский
парн. — парный
перен. — переносный
перех. — переходный
перс. — персидский
побудит. — побудительный
повел. — повелительный
полит. — политический
поэт. — поэтический
почтит. — почтительный
прил. — прилагательное
прит. — притяжательный
религ. — религиозный
рус. — русский
сиб. — сибирский
сл. — слово
см. — смотри
скр. — санскритский
собир. — собирательный
собств. — собственный
согд. — согдийский
спец. — специальный
ср. — сравни
ср.-мо. — средне-монгольский
суфф. — суффикс
сущ. — существительное
т.-ма. — тунгусо-маньчжурские языки
тунг. — тунгусский
тюрк. — тюркские языки
уваж. — уважительный
увел. — увеличительный
уменьш. — уменьшительный
усилит. — усилительный
устар. — устаревший
ф. — форма
фил. — философский
фольк. — фольклорный
ч. — число
числ. — числительное
эвф. — эвфемизм
этногр. — этнографический
юк. — юкагирский язык
юк. кол. — юкагирский колымский
юк. тундр. — юкагирский тундренный
яз. — язык
як. — якутский
яп. — японский

ЗНАКИ

< заимствовано из . . .
> перешло в . . . . . .
~ или, вариант
† неупотребительная форма
* предполагаемая форма

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ

Эвенкийский язык

Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.

В. А. Горцевская, В. Д. Колесникова, О. А. Константинова. Эвенкийско-русский словарь. Л., 1958.

В. Д. Колесникова и О. А. Константинова. Русско-эвенкийский словарь. Л., 1960.

Н. Н. Поппе. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л., 1927.

А. В. Романова и А. Н. Мыреева. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Материалы говоров эвенков Якутии. Под ред. Г. М. Василевич. Л., 1968.

Е. И. Титов. Тунгусо-русский словарь. Иркутск, 1926.

M. A. Castrén. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. St. Petersburg, 1856.

Подкаменно-тунгусские говоры — экспедиционные материалы В. А. Горцевской, В. Д. Колесниковой и О. А. Константиновой (1941, 1952, 1953, 1959 гг.).

Ванаварский говор — экспедиционные материалы В. А. Горцевской.

Дудинский говор — записи В. Столыпина (1961 г.), проверенные В. А. Горцевской и В. Д. Колесниковой.

Качугский говор — записи В. Хромова (1961 г.), проверенные В. А. Горцевской и В. Д. Колесниковой.

Наканновский говор — экспедиционные материалы О. А. Константиновой и З. В. Монаховой (1952 г.).

Тимптонский говор — экспедиционные материалы А. Р. Бойцовой и О. А. Константиновой (1940 г.).

Токкинский говор — записи В. Анастаховой (1961 г.), проверенные В. А. Горцевской. Учамский говор и говор эвенков Агаты и Большого Порога — экспедиционные материалы Е. П. Лебедевой (1952 г.).

Солонский язык

А. О. Ивановский. Mandjurica. Образцы солонского и дахурского языков, т. I. СПб., 1894.

Н. Н. Поппе. Материалы по солонскому языку. Л., 1931.

Эвенский язык

В. Г. Богораз. Материалы по ламутскому языку. — В кн.: Тунгусский сборник, Т. I. Л., 1931.

В. И. Левин. Краткий эвенско-русский словарь. М.—Л, 1936.

Б. И. Цинциус и Л. Д. Ришес. Эвенско-русский словарь. Л., 1957.

В. И. Цинциус и Л. Д. Ришес. Русско-эвенский словарь. М., 1952.

A. Schiefner. Beitrage zur Kenntnis der tungusischen Mundarten, St. Petersburg, 1859.

A. Schiefner. Baron Gerhard von Maydell's tungusische Sprachproben, St. Petersburg, 1959.

Ольский говор — словарь, приложенный к диссертации на соискание ученой степени канд. фил. наук. К. А. Новиковой «Ольский говор эвенского языка» (1947 г.).

Аллайховский говор — экспедиционные материалы К. А. Новиковой (1953—1954 гг.).

Арманский диалект — словарь, приложенный к диссертации на соискание ученой степени канд. фил. наук Л. Д. Ришес «Арманский диалект эвенского языка» (1946 г.).

Быстринский говор — записи П. А. Черканова и Е. И. Чекрановой (1962), проверенные В. И. Цинциус.

Момский говор — записи В. Д. Лебедева и экспедиционные материалы К. А. Новиковой (1953—1954 гг.).

Охотский говор — экспедиционные материалы Н. П. Ткачика (1940 г.).

Пенжинский говор — материалы К. А. Новиковой (1955 г.).

Североэвенский говор — экспедиционные материалы К. А. Новиковой (1957 г.).

Саккырырский говор — экспедиционные материалы К. А. Новиковой (1953—1954 гг.).

Томпонский говор — экспедиционные материалы К. А. Новиковой (1953—1954 гг.) и записи Т. К. Неустроевой (1962 г.).

Негидальский язык

К. М. Мыльникова и В. И. Цинциус. Материалы по исследованию негидальского языка. — В кн.: Тунгусский сборник. Т. 1. Л., 1931.

Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Хабаровск, 1933.

P. Schmidt. The Language of the Negidals.— Acta Universitatis Latviensis, V, Riga, 1923.

Говор нижнеамгуньских негидальцев — экспедиционные материалы В. И. Цинциус (1926 — 1927 г.), В. Д. Колесниковой и О. А. Константиновой (1962 г.).

Говор верхнеамгуньских негидальцев — экспедиционные материалы В. И. Цинциус (1926—1927 гг.).

Орочский язык

С. Леонтович. Краткий русско-ороченский словарь с грамматической заметкой. Владивосток, 1896.

P. Schmidt. The Language of the Oroches. — Acta Universitatis Latviensis, XVII, Riga, 1928.

В. И. Цинциус. Очерк морфологии орочского языка. — В кн.: Уч. записки ЛГУ, Серия востоковедческих наук, № 98, вып. 1, 1949.

Тумнинский и хадинский говоры — экспедиционные материалы В. А. Аврорина и Е. П. Лебедевой (1959 г.).

Удэйский язык

Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь. Л., 1936.

Анюйский говор — экспедиционные материалы Е. Р. Шнейдера (1933 г.).

Хорский, бикинский и самаргинский говоры — экспедиционные материалы И. В. Кормушина (1964 и другие годы).

Ульчский язык

Т. И. Петрова. Ульчский диалект нанайского языка. Л., 1936.

P. Schmidt. The Language of the Olchas. Acta Universitatis Latviensis, VIII, Riga, 1923.

Экспедиционные материалы (картотека ульчско-русского словаря) О. П. Суника (1964 и другие годы).

Орокский язык

Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта). (Грамматический очерк и тексты). Л., 1967.

Материалы по орокскому словарю, приложенные к диссертации на соискание ученой степени канд. фил. наук Т. И. Петровой «Грамматический очерк языка ороков» (1946 г.).

Экспедиционные лексические материалы К. А. Новиковой (1952 г.) и Л. И. Сем (1963 г.).

Нанайский язык

Т. И. Петрова. Краткий нанайско-русский словарь. Л., 1935.

Т. И. Петрова. Образные слова, служащие для передачи световых и цветовых впечатлений в нанайском языке. — В кн.: Ученые записки ЛГПИ, т. 101, 1954.

Т. И. Петрова. Нанайско-русский словарь. Л., 1960.

С. Н. Оненко. Русско-нанайский словарь. Под ред. проф. В. А. Аврорина. Л., 1959.

О. П. Суник. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958.

W. Grube. Goldisch-Deutsches Wörterverzeichniss mit vergleichender Berücksichtigung der übrigen tungusischen Dialekte. St. Petersburg, 1900.

Картотека русско-нанайского словаря, подготовленная С. Н. Оненко (1958—1962 гг.).

Бикинский диалект — экспедиционные материалы Л. И. Сем (1960 г.).

Кур-урмийский диалект — экспедиционные материалы О. П. Суника (1948, 1955 гг.).

Маньчжурский язык

И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь, СПб., 1875.

E. von Zach. 1) Über Wortzusammensetzungen im Mandschu. — WZKM, Bd. XI, 1897, SS. 242—248; 2) Manchurica. — China Review, Bd. XXIV, 1899—1900, SS. 47—48, 196—198, 268; 3) Manchurica. Lexicogr. Beiträge, III, SS. 96—98; 4) Einige Ergänzungen zu Sacharow's Mandžursko-Russki Slovarj. — Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens, Bd. XIV, Teil 1, Tōkyō, 1911, SS. 1—25; 5) Weitere Ergänzungen zu Sacharow's Mandžursko-Russki Slovarj. — Там же, Teil 3, 1913, SS. 255—267; 6) Weitere Ergänzungen zu Sacharow's Mandžursko-Russki Slovarj. — Asia Major, V, 3/4, Leipzig, 1930, SS. 488—518.

P. Schmidt. Chinesische Elemente im Mandschu. Asia Major, v. VII, 4, v. VIII, 1/2, 3, Leipzig, 1932—1933.

E. Hauer. Handwörterbuch Mandschusprache. Wiesbaden, 1952—1955.

Сибинский диалект — экспедиционные материалы В. В. Радлова, хранящиеся в Архиве АН СССР в г. Ленинграде, обработанные Е. П. Лебедевой (1962 г.).

Чжурчженьский язык

W. Grube. Die Sprache und Schrift der Jučen. Leipzig, 1896.

Монгольские языки

А. Р. Дамба-Ринчинэ и Г. С. Мупкин. Русско-монгольский словарь. Под ред. проф. Г. Д. Санжеева, М., 1960.

Монгольско-русский словарь. Под ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957.

Н. Н. Поппе. Монгольский словарь. Мукаддимат ал-Адаб. М.—Л., 1938.

Русско-бурят-монгольский словарь. Под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева, М., 1964.

К. М. Черемисов. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951.

К. М. Черемисов и Г. Н. Румянцев. Монгольско-русский словарь (по современной прессе). Л., 1937.

Mongolian-English dictionary compiled by M. Haltod, I. Gombojab Hangin, S. Kasatkin, F. D. Lessing. California, Los Angeles, 1960.

Тюркские языки

Древнетюркский словарь. Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л., 1969.

С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951.

С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Тт. I—III. 1907—1930.

Корейский язык

А. А. Холодович. Корейско-русский словарь. М., 1958.

Чосонмал сачжон, 1—6 квон (Словарь корейского языка, тт. 1—6). Пхеньян, 1960—1962.

Русско-корейский словарь. Под ред. Пак Чон Сика и Н. С. Кима. М., 1951.

Нивхский (гиляцкий) язык

Е. А. Крейнович. Гиляцко-тунгусо-маньчжурские языковые параллели. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1955, VIII.

В. Н. Савельева и Ч. М. Таксами. Русско-нивхский словарь. М., 1965.

В. Н. Савельева и Ч. М. Таксами. Нивхско-русский словарь. М., 1970.

Китайский язык

Китайско-русский словарь. Под ред. проф. И. М. Ошанина. М., 1959.

Китайско-русский словарь, сост. Палладий (П. И. Кафаров) и П. С. Попов, тт. I—II, Пекин, 1888.

Ханьюй цыдянь (Словарь китайского языка). Шанхай, 1957.

Новый русско-китайский словарь. Под ред. Лю Цзе-жуна. Пекин, 1959—1960.

Русско-китайский словарь. Под ред. Чэнь Чан-хао и Б. С. Исаенко. М., 1951.

НЕКОТОРЫЕ РАБОТЫ, СОДЕРЖАЩИЕ ДАННЫЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ И ДРУГИХ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.

Г. Д. Санжеев. Маньчжуро-монгольские языковые параллели. — В кн.: Известия АН СССР, №№ 8, 9, 1930.

В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949.

St. Kałużyński. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.

Ki Moon Lee. A comparative study of Mandchu and Korean, UAJ, Bd. XXX, H. 1—2. Wiesbaden, 1958.

L. Ligeti. Les anciens eléments mongols dans le mandchou. Acta orient. Hung., t. X, 3, 1960.

L. Ligeti. Les mots solons dans un onorage chinois des Ts'ing. Acta orient. Hung., t. IX, 3, 1959.

N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. T. 1. Wiesbaden, 1960.

G. J. Ramstedt. Studies in Korean Etymology. Helsinki, 1949.

A. Gaben. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.

СЛОВАРЬ